

Сердце Линь Кэсун упало. Она же не уезжала так надолго, ах! Куда же он исчез?

— Босс! Тут был симпатичный парень, слепой парень, он просто стоял здесь, вы знаете, куда он пошел?

— О, я видел, как он переходил дорогу на другую сторону!

— Он... перешел дорогу сам?

— Да.

— Seriously, он больше не хочет жить! — Линь Кэсун поспешно переехала на другую сторону.

Напротив располагался ряд канцелярских магазинов и еще каких-то лавок. Линь Кэсун обыскала каждый магазин, но все еще не могла найти его.

Ее спина вспотела от волнения.

Что за чертовщина! Разве она не велела ему оставаться там, где он должен был ее ждать? Сам перешел дорогу! Ходит неизвестно где!

Он даже потерял свой телефон, как с ним связаться, ах!

— Подождите здесь, — что непонятного в этих словах!

Линь Кэсун опросила все магазины сразу, с тревогой спрашивая себя, не следует ли ей сообщить в полицию, наконец, владелец небольшого магазина сказал ей:

— Человек, которого вы ищете, похоже, пошел в это кафе Муфэнг!

Ли Кэсун чуть ли не преклонила колени в знак благодарности хозяину магазина.

Она поспешно бросилась в кафе, прислонила велосипед у входа и через несколько шагов помчалась вверх.

Оглядевшись, она увидела ледяного, равнодушного и невозмутимого, как айсберг, господина Цзяна, сидящего у окна.

Его всегда ясное и красивое лицо, сложное до такой степени, что невозможно было найти ни одного изъяна в его чертах. Солнечный свет косо падал на кончик его носа, вызывая ощущение

тепла.

Даже с его отчуждающим безразличием это не могло вызвать недовольство людей, но создавало ощущение тайны.

Перед ним стояла чашка с лимонной водой.

Цзян Цяньфань поднял чашку и сделал глоток, такой правильный, что в его вселенной Линь Кэсун была подобен воздуху.

Этот гнев Линь Кэсун был подобен ракете, которая вот-вот взлетит в небо.

Она села перед Цзян Цяньфанем, изо всех сил подавляя свой гнев, и сказала:

— Разве я не просила вас оставаться на месте? Почему вы оказались здесь?

Выражение лица Цзян Цяньфаня было таким, как будто он вообще не думал, что сделал что-то плохое.

— Мне не нравится запах вонючего тофу.

Линь Кэсун закатила глаза к небу и подумала: «А ты мне не нравишься, ах!»

— А что, если я не смогу вас найти?

— Ты обязательно найдешь меня.

— Почему?

— Из-за 1000 долларов, которые я тебе заплачу за тур.

Линь Кэсун снова почувствовала себя так, словно ее ударили ножом.

Она так много работала сегодня и все еще была готова искать его, но действительно не помнила о плате за экскурсию 1000 долларов в день.

— Ваш телефон, — Линь Кэсун положила его телефон на стол.

Этот парень медленно взял кусок ткани и протер телефон. Пальцы у него были очень красивые,

когда он наклонял голову, это странно будоражило чужие сердца.

Это был первый раз, когда Линь Кэсун смотрела на него с такого близкого расстояния.

— Вы хотите что-нибудь съесть здесь? Или вы хотите съесть жареные во фритюре кусочки имбиря?

Линь Кэсун очень устала, ее голос был немного болезненным.

— Здешний кофе хуже некуда. Просто понюхав его, я знаю, что он горький и не мягкий. Поданное печенье оставляло слабый запах муки, что означало, что оно было недостаточно испечено. С таким стандартом я не буду ничего есть отсюда.

Цзян Цяньфань положил телефон обратно в карман.

Линь Кэсун сжала свои виски, она знала, что это место не будет соответствовать вкусу Цзян Цяньфаня. Она хотела закатить истерику, такую же сильную, как извергающийся вулкан, но когда она увидела черты лица Цзян Цяньфаня, она поняла, что не может сердиться.

Он был как озеро между долинами среди облаков, вы можете двигать его сколько угодно, но он всегда будет спокоен.

— Ты сердишься, — Цзян Цяньфань по-прежнему был хладнокровен.

«Спасибо, что вы знаете, что я злюсь».

— Я с большим трудом вернула ваш телефон. Но вы не ждали меня на прежнем месте. Если бы вы были на моем месте, как бы вы себя чувствовали?

— Я заплатил вам за экскурсию, и мне не нужно, чтобы вы искали мой телефон.

Еще один удар, прямо в сердце.

Но Линь Кэсун больше не чувствовала боли.

— О, я понимаю. В следующий раз я не буду гнаться за вами, пойдемте.

«Надеюсь, что в тот момент, когда вы войдете в дверь, ваш телефон будет украден! Когда вы встанете на колени на полу, чтобы заставить меня вернуть ваш телефон, я закажу лимонную воду и медленно выпью!»

Линь Кэсун встала, взяла один конец трости и повела его вниз по лестнице.

Когда они достигли подножия лестницы, Цзян Цяньфань внезапно остановился.

— Что-то не так?

— Ты ранена, — внезапно спросил Цзян Цянь Фан.

Линь Кэсун подумала: «Неужели ты не видишь? Как ты можешь знать, что я поцарапала свои ладони?»

— О, я упала, когда ехала на велосипеде. Откуда ты знаешь?

Линь Кэсун почувствовала себя немного обиженной. Но если бы это был Сун Ижань, он, скорее всего, вознаградил бы ее за то, что ее две ноги были в порядке. Но этот тщеславный господин Цзян... пока он не нанесет еще один удар, все будет хорошо.

— Я чувствую запах крови.

Линь Кэсун посмотрела на свои ладони. Он чувствует запах даже такого малого количества крови?

Она слышала, что даже если слепой не может видеть, и другие чувства могут быть более чувствительными, но он не может быть так чувствителен к этим стандартам, ба.

— Сходи в аптеку, обработай свои травмы.

Это был самый гуманный приговор, который этот парень произнес за весь день, что Линь Кэсун была с ним.

Рядом была аптека, Линь Кэсун купила бутылку перекиси водорода, когда она вылила ее на ладони, в её глазах скопились слезы, она мельком увидела Цзян Цяньфаня в окне.

Выражение его лица было совершенно особенным.

Огни машин за окном проносились мимо его лица ряд за рядом, но он ни разу не моргнул.

Он явно был смертным, но у него была снисходительная аура, как будто он не был впечатлен вещами этой земли.

Она знает, что использовать слово милый для описания мужчины странно.

Но Цзян Цяньфань в этот момент позволил ей создать иллюзию безразличия и красоты.

Линь Кэсун начала представлять себе, что если бы Цзян Цяньфань мог видеть, то какое выражение было бы у него на лице?

Будет ли он более гордым? Или, может быть, у него дьявольски беззаботная улыбка, как у Сун Ижана?

После наклеивания пластыря Линь Кэсун повела Цзян Цяньфаня дальше.

Этот город очень многолюден, даже поздно ночью здесь все равно будут толпы и шум.

Когда они добрались до магазина жареных ломтиков имбиря, хозяин уже убирался и готовился закрыть магазин. Линь Кэсун купила последнюю порцию жареных во фритюре ломтиков имбиря.

Цзян Цяньфань наклонил голову, ночной воздух поднял его волосы, тусклый свет заставил его профиль казаться нереальным.

Как она и ожидала, Цзян Цяньфань откусил всего один кусочек.

— Подходящая сладость и кислинка, насыщенный свежий имбирный аромат. Но запах используемых яиц слишком силен, следовало бы использовать кормовые куриные яйца, а не яйца куриц, которых кормили зернами.

— Но если бы они использовали дорогие яйца, себестоимость была бы слишком высока для этого маленького ларька, — объяснила Линь Кэсун.

— Эн.

Какая редкость, хладнокровный Цзян Цяньфань согласился с ее взглядами.

В это время мимо них прошла тетушка с засахаренными боярышниками. На подставке оставалось только две отдельные палочки.

Линь Кэсун почувствовала на языке кисло-сладкий привкус, и у нее чуть не потекли слюнки. Ее явно подавленное настроение внезапно снова перешло в радостное.

— Вы проделали весь этот путь, как же вы можете не съесть засахаренный боярышник!

Линь Кэсун купила только одну палку.

Потому что независимо от того, насколько вкусной она найдет закуску, у Цзян Цяньфаня будет только один рот.

Линь Кэсун держала палочку перед Цзян Цяньфанем.

— Будь осторожен, кусай в сторону, чтобы не зацепить бамбуковую палочку.

Цзян Цяньфань открыл рот, и Линь Кэсун снова увидела кончик его языка.

Сама не понимая почему, каждый раз, когда Цзян Цяньфань съедал что-то, пока она невольно видела его язык, это было похоже на то, как что-то нежно касалось ее сердца, цепляясь за ее мысли, заставляя весь мир казаться рябью в волнах.

Он вцепился боярышник, и не съел весь шарик, а откусил с хрумканьем.

Красная глазурь раскололась на его губах, потрескивая.

Он ни на секунду не задержался во рту, когда поднял брови.

Линь Кэсун увидела выражение его лица и рассмеялась про себя.

— Ну как?

— ...Боярышник надо было почистить, а то будет слишком терпко. Мякоть плодов боярышника слишком кислая, сахарная оболочка слишком тонкая, сладость и кислинка не могут быть сбалансированы. Качество сахара не очень хорошее, имеет слишком много примесей.

— Так это не вкусно?

— Это худшая закуска из всех тех, что ты мне принесла попробовать.

Линь Кэсун улыбнулась, поставила велосипед на обочину дороги, села на тротуар, медленно и неторопливо откусила кусочек. Намеренно издавая хрумканье.

— Вы когда-нибудь были влюблены в кого-нибудь? — наугад спросила она.

В любом случае, даже если бы с ним обращались как с богом, он бы не показывал другого выражения лица. Почему бы просто не сделать так, как ей нравится?

— Нет.

Ответ был верным и по существу.

Его фигура выглядела одинокой в свете уличных фонарей. Линь Кэсун рассмеялась, впервые она почувствовала, что у нее есть преимущество перед Цзян Цяньфанем.

По крайней мере у неё есть опыт, который она имела, но который, он никогда не чувствовал.

— Влюбленность — это как засахаренный боярышник. Обнимать человека, который вам нравится, — это как сладкая оболочка, но в тот момент, когда вы прикусите ее, вы почувствуете кислый и вяжущий вкус. Особенно когда вы видите человека, который вам нравится, всегда с кем-то рядом, и этот кто-то обычно является женщиной, которая амбициозна, но ведет себя невинно, эта язвительность, кажется, собирается выйти из глаз и горла. Но когда вы наденете джинсы и будете неторопливо прогуливаться по улицам и переулкам, тогда купите палочку засахаренного боярышника. Вы на самом деле знаете, что сахарная оболочка слишком тонкая, не достаточно, чтобы уравновесить остроту. Но вы все равно чувствуете, что каждая бусинка делает вас счастливым, потому что этот человек рядом с вами.

Цзян Цяньфань стоял на месте, не говоря ни слова.

Линь Кэсун предположила, что он, вероятно, еще более невежественен в отношении влюбленности.

Но он терпеливо ждал, пока Линь Кэсун закончит.

Когда она дошел до последней бусины, Линь Кэсун встала и подошла к Цзян Цяньфаню, наклонила голову и толкнула его локтем:

— Вэй! Осталась только одна бусина! Хочешь её?

— Нет.

Ожидаемо холодный ответ.

— На самом деле последние два боярышника не такие кислые, как предыдущие. Попробуйте их, может быть, вы найдете их вкусными?

Линь Кэсун поднесла засахаренный боярышник к губам Цзян Цяньфана, но Цзян Цяньфань не сразу отказался, а только повернул лицо в сторону.

Когда его лицо мелькнуло перед ней, её зрение словно растянулось.

Этот вид Цзян Цяньфаня имеет соблазнительную мягкость.

Линь Кэсун начала чувствовать себя дерзкой, желая видеть больше выражений лица Цзян Цяньфаня, когда он избегал ее.

Лицо, которое он повернул в сторону, даже его длинная светлая шея были похожи на комету, мчащуюся по небу, она могла только видеть ее, но никогда не могла поймать.

Линь Кэсун встала на цыпочки и нарочно прижала ягоду к его губам, когда он поднял руку, чтобы отказаться, она нарочно сказала:

— Будь осторожен с бамбуковой палочкой!

Цзян Цянь Фан, как и ожидалось, не оттолкнул ее, а предпочел отступить назад.

— Да ладно тебе! Это уже последняя бусина! Может быть, предыдущие 1000 засахаренных боярышников были терпкими, но это было бы по-другому! Не каждый боярышник происходит от одного и того же дерева!

— Я не из тех, с кем можно шутить, госпожа Линь.

Тон Цзян Цяньфаня содержал намек на предупреждение, увеличивая давление окружающего воздуха.

— Я не шучу с вами. Почему бы вам не попробовать, предвкушая вкус следующего боярышника? Вы никогда не знаете, сладость и кислинка могут просто идеально сбалансированы.

Цзян Цяньфанстоял на месте, не двигаясь.

Линь Кэсун наблюдала за ними некоторое время, а затем резко забрала угощение.

— Если вы не хотите, тогда забудьте.

Она хрустнула им, стараясь издать звук погромче, и откусила кусочек.

«О, мой бог! Последний был самым скверным!»

Лин Кэсун бросила палочку в мусорное ведро и захлопала в ладоши.

Цзян Цяньфань все еще стоял там, где стоял, его лицо ничего не выражало.

Линь Кэсун ухмыльнулась, демонстрируя ему гордое лицо:

— Вы ведь только что хотели попробовать?

Собеседник не ответил, его безразличные брови выражали какую-то пассивность.

— Вы хотите узнать, какой вкус был у последнего?

— Нет необходимости.

Глаза Цзян Цяньфаня были холодными, очевидно, он ничего не видел, но из-за отражений уличных фонарей это выглядело как горящая спичка в темноте.

— Я тоже не собиралась вам говорить, — Линь Кэсун сунула руку в карман и подошла к велосипеду.

Телефон в его кармане зазвонил, это был его помощник Ли Янь.

Линь Кэсун похлопала по сиденью и сказала:

— Поехали, я отвезу вас туда, где вы сможете остановиться. Даже если дневная экскурсия еще не закончена, я могу наверстать упущенное завтра.

В любом случае, ее работа — быть дома, ничего не делать, пока она не вырастет.

— У меня утренний рейс, — мягко сказал Цзян Цяньфань.

— О... но уже так поздно, люди будут беспокоиться о вас.

Линь Кэсун подняла велосипед, Цзян Цяньфань последовал за звуками и сел. Она уже не так заинтересована в плате за экскурсию в 1000 долларов США, потому что она так устала, что не хочет думать о чем-то другом.

Ночной воздух был немного прохладным, обдувая лицо девушки.

В воздухе чувствовался легкий привкус сладости и боярышника.

После того как они проехали мимо транспортной развязки, поскольку уличные фонари были немного тусклыми, Линь Кэсун не могла хорошо видеть, переднее колесо крутилось, заднее тоже дрожало.

Линь Кэсун очень старалась сохранить равновесие, но в этот момент она почувствовала, что кто-то держит ее за талию.

Ощущение тепла было таким ясным, как будто оно держало ее сердце.

Но другая сторона быстро опустила руки.

Линь Кэсун наклонила голову и поджала губы.

По дороге они не проронили ни слова.

Линь Кэсун отвезла его в роскошный отель в самом центре города. У входа в отель Ли Янь и еще один иностранец, которого Линь Кэсун никогда раньше не видела, казалось, ждали очень долго.

— Почему вы вернулись только сейчас? Госпожа Линь, куда вы возили господина Цзяна?

Внезапно Линь Кэсун не знала, что сказать.

Но иностранец рядом с Ли Янем, который сжал плечо Ли Яня, спросил по-английски:

— Господин Цзян, вы в порядке?

— Я в порядке.

Английский Цзян Цяньфаня был прохладным, звучащим с британским произношением, что делало его строгим и сдержанным.

Линь Кэсун выдохнула и подтолкнула велосипед к Ли Яню:

— Господин Ли, это тот самый велосипед, который вы купили, я возвращаю его владельцу.

Примечание автора:

Все ли это уловили?

Линь Кэсун использует засахаренный боярышник, чтобы подразнить Цзян Цяньфаня?

<http://tl.rulate.ru/book/12730/2070581>